

чинению Льва — «Тактике»¹³. Отношение к родовитости, таким образом, отличает позицию Льва от адресованных ему наставлений Василия.

Нам уже приходилось отмечать, что традиционное для позднеантичной и ранневизантийской политической мысли представление об императоре-полководце было утрачено в VII—начале IX в. и еще не возрождено «княжескими зеркалами» Василия¹⁴. Процесс «демилитаризации» императорского идеала отражен не только ими, но и развитием официальной императорской титулатуры, из которой после Ираклия (610—641) исчезают привычные эпитеты «победитель» и «триумфатор»¹⁵. Перемены происходят, по всей видимости, в правление Льва, известного, кстати сказать, своим интересом к теории военного дела¹⁶. О них свидетельствует выделение Львом среди обилия тем, предназначенных в эпитафии для прославления Василия, именно военных сюжетов: «знаки побед над врагом», чужеземные народы, добровольно склоняющие колена перед Василием, истребление пытавшихся восстать против повиновения¹⁷. Среди достигавших вершин власти Лев не видит никого, кроме Василия, кто, «простирая длани надо всеми частями света, отражал самых грозных противников»; какой Геракл, спрашивает автор далее, прозванный греками «отвращающим зло», так очистил вселенную от насилия; на какое число и каких народов, восклицает Лев чуть ниже, поднимал Василий руку, дабы они почувствовали власть¹⁸.

Даже прославление доброты и человеколюбия в своем герое Лев считает нужным связать с военной темой. Как ни парадоксально утверждение Льва, но Василий если и брался за оружие, то лишь для того, чтобы выказать благосклонность (*χρηστότητα*) противнику, терпящему в итоге поражение, ведь Василию, уверяет Лев, нельзя было противостоять; изменивший свое умонастроение враг встречал сострадание и текли ему «потoki человеколюбия и спасения»¹⁹. Военные успехи Василия подчеркиваются и тем, что Лев приписывает ему возрождение «золотого века» в империи, полуразоренной как самими ромеями, так и иноземцами²⁰. Неудивительно, что именно у Льва в формуле социальной стратификации (панегирист перечисляет слои византийского общества, на которые распространялось попечение императора) отношение к военной службе становится одним из социальных критериев: подданные «чуждые» (*ἄγεστοι*) военных дел. . . живущие под оружием (*ἐν βίαις*), правящие и управляемые»²¹. Актуализации социальной роли императора как полководца отвечает и возвращение в официальную императорскую титулатуру, известную по законодательным актам Льва (новеллам), эпитетов «победитель» и «триумфатор»²².

Возрастание интереса к военной тематике засвидетельствовано, как уже говорилось, и творчеством самого Льва, составившего в молодости так называемые «Проблемы» (состоящий из вопросов и ответов военный трактат) и позже вернувшегося еще раз к этому жанру в «Тактике»²³. Именно в «Тактике» Лев обосновывает приоритет военных забот в деятельности императора: если прочие государственные дела, полагает венценосный писатель, понесут некоторый ущерб, то в этом еще нет такой уж боль-

¹³ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974. С. 30—31. См. там же и о богатстве как социальном критерии в «Тактике» Льва.

¹⁴ Чичуров И. Место «Хронографии». . . С. 78—79; *Он же*. Традиции и новаторство. . . С. 100.

¹⁵ Rösch G. *Ἱστορία βασιλείας*. Wien, 1978. Anh. 2 (Liste der Titelwörter).

¹⁶ Hunger H. *Op. cit.* Bd. 2. S. 331 f. Своей «Тактикой» Лев не просто продолжает традицию, но возрождает ее, обращая внимание читателя на существующую в жанре лагуну (см. об этом ниже).

¹⁷ Vogt A., Hausherr I. *Oraison funèbre*. . . 60.24—29.

¹⁸ *Ibid.* 58.14—22.

¹⁹ *Ibid.* 58.1—7.

²⁰ *Ibid.* 58.23—30.

²¹ *Ibid.* 62.3—5.

²² Noailles P., Dain A. *Les nouvelles de Léon VI le Sage*. P., 1944. P. 11.3—5 (I. 3—5)

²³ О «Проблемах» и «Тактике» см.: Hunger H. *Op. cit.* Bd. 2. S. 331—333.